Фламандская петля

Автор:
Наталья Ильина

Фламандская петля

Наталья Николаевна Ильина

Путеводная нить. Психологический детектив

Засушливое лето 1983 года стало причиной страшного пожара, который навсегда изменил судьбы жителей небольшого поселка Малинники. Изменил и накрепко связал между собой прочными фламандскими узлами, определив многие поступки и решения на годы вперед.

Спустя несколько десятилетий в тихий поселок вновь приходит беда: исчезает семнадцатилетняя девушка. За расследование берется молодой и неопытный участковый, который очень скоро понимает, что всё в этом деле упирается в события далекого прошлого.

Какие тайны откроет трагедия? Что прячется в душах знакомых ему с детства людей? И куда приведут следы давнего пожара?..

Наталья Николаевна Ильина

Фламандская петля

Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.

В. Г. Белинский

© Ильина Н., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Пролог

Лето 1983 года в Малинниках, да и во всей области в целом, выдалось засушливым и необычайно жарким. К середине июля дожди, и прежде редкие, прекратились совсем. Тем роковым вечером третьего августа от зноя изнемогали и земля, и люди. В надвигающихся сумерках небо над горизонтом неожиданно налилось свинцовой тяжестью.

Первая молния сорвалась с низкой тучи на дальнем краю поля возле самого леса. С сухим треском она соединила небо и землю, угодив точно в огромную скирду сена, которое весело запылало, освещая грубую стерню и близкие деревья. Словно этого было мало, в торчащую на опушке древнюю ель ударила вторая. Гром прокатился далеко над полями, а потом молнии стали бить пучками – в поле, в лес, в столбы линии электропередачи вдоль дороги. Разряды сыпались с неба непрерывной чередой. Искривленные, как пальцы гигантских пятерней, молнии ветвились и вцеплялись ослепляющей хваткой во все подряд.

Резким порывом налетел ветер и задул мощно, загудел, как стовагонный состав на перегоне, поднимая в воздух горящее сено, раздувая и разнося пламя по сухой стерне на десятки метров за раз. Огонь помчался по стонущим на ветру кронам деревьев, взметнулся в алый столб пламени и, вращаясь в опаляющем вихре, набросился на заглохший в поле трактор, пожирая жирную смазку и хищно блестя в стеклах кабины.

Во втором часу ночи на совхозной ферме вспыхнул громадный ангар, больше чем наполовину заполненный сеном. В него угодило три разряда подряд. А молнии, словно сорвавшись с цепи, все лупили в иссушенную долгой засухой землю, в крыши построек, в деревья.

Ближе к поселку, на МТС[1 - Машинно-тракторная станция.], взорвалась цистерна с горючим, и в небо взметнулся огромный черно-красный столб

пламени, бугрящийся, вспухающий смертоносным цветком. Огонь ревел, играючи перескакивал с деревьев на заросли малины вдоль шоссе и длинными проворными языками тянулся к первым домам поселка под вой ураганного ветра.

Небо пылало ослепительно-синим, черным и золотым, перетекало из лилового в зловещий красный, но так и не пролило вниз ни единой капли дождя. Над поселком Малинники, молочной фермой совхоза «Рассвет», полями и лесом на километры вокруг бушевала невиданной мощи сухая гроза.

Часть первая

В тихом омуте…

Глава 1

Пожар

Малинники. 3 августа 1983 г.

Лида капризничала. Едва сообразив, что мама собирается уходить, она скуксилась, округлое личико сморщилось, в глазах заблестели крупные, как капли росы, слезинки.

– Мами-ичка! – заныла она, цепляясь за материнский подол обеими ручонками.

Ткань платья натянулась, перекосилась, выехала из-под пояска. Зоя присела на корточки, пытаясь отцепить липкие от арбузного сока пальчики.

– Лидочка, солнышко, мне пора на работу! – принялась она уговаривать дочь, оглядываясь на крыльцо.

«Где же мама?» – нетерпеливо билось в голове. Но Александра Васильевна как назло застряла где-то в глубине дома и не спешила спасать Зою от Лидочки. А ведь она отпросилась домой всего на часок, с дочкой повидаться. Третьи сутки с утра до ночи пропадая в телятнике – начался отел, – Зоя разрывалась между домом и новорожденными телятами. Мой, корми молозивом каждые два часа, следи, чтобы не подавились, не поддушились на привязи, а они все прибывали – смешные и неуклюжие коровьи детки. На свою кровиночку времени совсем не оставалось…

– Лидочка! – наконец появилась на крыльце Александра Васильевна. – Иди к бабушке, бабушка что-то вкусненькое даст!

Лида к бабушке идти не желала. Крепко обняв мамины ноги, она повисла на них всем весом трехлетнего ребенка средней упитанности, такая себе хнычущая гирька в пятнадцать килограммов весом.

– Пойду с мамой на яботу! – прогудела она, пряча от бабушки лицо в складках Зоиного платья.

– Конечно! – ухватилась за спасительное предложение Зоя. – Я сейчас схожу спрошу разрешения у дяди бригадира и вернусь за тобой, хорошо?

Дочь отстранилась, не отпуская рук, и подняла заплаканное лицо, с надеждой уставившись на Зою. «Правда?» – вопрошали светло-серые чистые глаза. Зоя тяжело вздохнула и погладила растрепанные завитки волос на дочкиной макушке.

– Я побегу? А то дядя бригадир уйдет и спросить будет некого…

Девочка неохотно отступила. Зоя кинула быстрый виноватый взгляд на подбоченившуюся на крыльце мать и бегом бросилась со двора. От поселка до фермы было около километра, да еще предстояло пробежать задками до улицы Ленина, от которой и начиналась дорога к ферме, проходя между полем и лесополосой.

* * *

– Зимчук, Зоя! – сердито окликнул зоотехник Кузьмичев, едва она успела появиться возле телятника. – Ты где шляешься?

Зоя покраснела. Она одновременно чувствовала и вину, и возмущение. Вину за то, что не только у нее дома скучал ребенок, возмущение тем, что какой-то час за безумные дни и ночи – не повод орать на всю ферму, будто она была злостной прогульщицей.

Ферма гудела сутками: собирали с полей громадные рулоны сена и заканчивали второй покос, неудачный. Из-за отсутствия дождей трава почти не росла, пересыхая на корню. Гоняли на дальний выпас молочное стадо, так как на ближних есть было уже нечего, и едва поспевали вернуть скотину в коровники ко времени дойки, а тут еще и летний отел подоспел. Август, одним словом.

– Вы, Дмитрий Николаевич, совесть бы поимели, – неожиданно заступилась за Зою пожилая доярка Нина Ивановна, с которой они встретились по дороге к телятнику. – Зоинька, почитай, живет на ферме. Надо же и домой заглянуть? Что бы ваша Елена Михайловна без нее делала? Спасибо бы сказали…

– Ты, Ивановна, меня не совести. Отел идет. Благодарности будем потом раздавать, – пробурчал зоотехник. – Сейчас работать надо.

Зоя повернулась и поспешила в родильное отделение телятника, не слушая продолжения перепалки. У самых дверей подол ее ситцевого платья взметнул внезапный порыв горячего ветра, как будто грузовик мимо промчался. Удивленная, Зоя оглянулась. В надвигающихся сумерках небо на горизонте медленно наливалось тяжестью огромной тучи.

«Скорее бы уж полило! – подумала женщина, открывая дверь. – На такой жарище да без капли дождя кто угодно взбесится. Уж на что Кузьмичев мягкий, а и он срывается». – Она вздохнула.

В большом телятнике стоял привычный шум: в цехе первотела мычали коровы, разлученные с телятами и стельные; в ремонтном – жалобно звали мамаш новорожденные малыши, привязанные в своей выгородке; телята постарше возились в больших стойлах. Елена Кузьмичева – ветеринарный врач – только махнула Зое рукой из длинного прохода ремонтного цеха. Даже издалека она выглядела усталой. Зою снова накрыла волна стыда, и она заторопилась

переодеваться.

* * *

Семен Зимчук заглушил трактор и полез из перегретой кабины. Несмотря на то что дело близилось к ночи, жара не спадала и поднявшийся ветерок не спасал. Перекинувшись парой слов с дежурным механиком, Семен с тоской посмотрел в сторону основных строений фермы. Длинное здание телятника загораживали коровники, но даже если бы он мог увидеть со двора механизации его беленые стены и серую шиферную крышу, то уж разглядеть фигурку жены все равно не удалось бы.

Семен помялся с минуту, разрываясь между желанием увидеться с Зоей и поцеловать перед сном кудрявую головенку дочки, и, махнув рукой, отправился в поселок. По пути его нагнал рыжий «рафик» совхозуправления.

Семен помахал водителю, и улыбчивый, добродушный Олежка Михайлов согласился подкинуть его до самого дома.

– А сам-то куда на ночь глядя? – спросил Семен.

– Да ну их, – беззлобно отмахнулся Олежка. – Придется гнать с самого утра в район за Анатолием Дмитриевичем. Аж к восьми. Ну так я сказал, что на дворе коняку поставлю, чтобы в гараж до свету не переться.

Семен только хмыкнул. Олега любили и в управе, и в гараже, и в ремзоне. Открытый и веселый, парень был скор на подмогу и никому ни в чем не отказывал. Не отказывали и ему.

Быстро темнело, с полей на поселок шел грозовой фронт, но в воздухе не чувствовалось никакой прохлады, наоборот, даже ветер казался горячим. На Ленина уже зажглись новые, только в прошлом году установленные по обеим сторонам улицы фонари, а в переулке у тещиного дома пятачками света пытались разогнать тьму древние лампы под жестяными колпаками, висевшие на деревянных столбах. Да не у каждого дома такой столб стоял.

«Рафик», ворча и подпрыгивая на неровностях дороги, укатил обратно к главной улице, подмигнув «стопами» у поворота, а Семен толкнул скрипучую калитку. На веранде было светло, за густой сеткой тюля мелькала фигура тещи.

– Мам Саш, я дома, – крикнул Семен с крыльца, чтобы не напугать женщину внезапным возникновением из темноты.

– Папа! – Лидочка метнулась в ноги, радостно вереща и топая босыми ножками по нитяным коврикам на полу веранды.

– Кто это не спит? – притворно сощурился Семен. – Доча моя?

– Дося, дося, – подтвердила девочка и требовательно вытянула ручки вверх.

Семен подхватил на руки теплое тельце, дочка прижалась щекой к его щеке и тут же отстранилась:

– Колюсий!

– Сеня, пойди умойся, ужин готов, – скомандовала Александра Васильевна. – А маленьким девочкам пора спать!

Он склонился над рукомойником, плеснул воды в лицо на обожженную солнцем кожу и, намылив руки, принялся умываться, фыркая и крякая от удовольствия. Сдернув с крючка полотенце, мельком покосился в старое зеркало с изъеденной амальгамой – выгоревшие волосы торчком стояли на макушке, с мокрой челки капало на лицо, на побелевшие от солнца брови. Капельки воды стекали по скулам, застревая в рыжеватой щетине, сгладившей упрямый квадратный подбородок, и убегали по шее вниз, на загорелую грудь.

«На черта похож! – смеялась Зоя, когда он приходил домой вот таким – вымотанным за день, потным, пыльным и перемазанным в мазуте. – Обычные черти черные, а мой – беленький…»

Лидочка топталась рядом, ни на шаг не отходя от отца.

– Я уложу, – улыбнулся Семен и понес дочь наверх, в мансарду, где она спала вместе с бабушкой.

* * *

Директор фермы Антон Копылов вытянул ноги, сидя в любимом кресле перед телевизором. Жесткий ворс ковра приятно почесал огрубевшие сухие пятки. Он поелозил ими по полу, желая продлить удовольствие.

То ли антенна забарахлила, то ли сигнал пропадал, но диктора программы «Время» неожиданно прервали косые подрагивающие полосы, ползущие через экран. На телевизор грешить Антон не мог – цветной «Рубин» служил семье верой и правдой уже четвертый год и ломаться не собирался, несмотря на то что рядом с отсутствующей ручкой для переключения каналов лежали небольшие плоскогубцы. Антон недовольно поморщился. Телевизор, будто уловив недовольство хозяина, мгновенно исправился – полосы исчезли.

Марина уложила мальчишек и заглянула в комнату:

– Чай ставить?

– Погоди, – отмахнулся Антон. Диктор как раз начал рассказ о выполнении июльского постановления по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий.

Марина ушла, а изображение как назло опять пошло полосами, звук стал прерываться и хрипеть обрывками слов. А потом за окном громыхнуло так, что задрожали стекла и экран покрылся серой рябью.

«Неужели гроза?» – с надеждой подумал Антон. Засуха здорово осложняла ему жизнь. Страдала отчетность, ломалась техника, мучились люди и скотина. Но грохот не повторился, и дождь, которого ждал весь район, так и не начался. Экран перестал рябить, но международные новости интересовали Копылова гораздо меньше, чем свои, советские.

Он нашарил тапки, поднялся и отправился на кухню к жене.

* * *

Гриша Стрельников хозяйничал в доме один. С тех пор как в феврале умерла мама, он постепенно привык к холостяцкому быту. Больше никто не ждал его вечерами с горячим ужином, и окна не светились теплом, когда он задерживался на работе допоздна.

«Жениться тебе надо, комсорг», – подталкивали старшие товарищи. Гриша и сам понимал, что надо, да только не знал как. Как вытолкнуть из сердца занозу единственной любви? Ядовитую и острую даже спустя столько лет, да к тому же давшую чудесный, запретный, горький побег.

Едва узнав о беременности, Зоя стала всячески избегать встреч, а Гриша не навязывался. В конце концов он смирился с мыслью, что вместе им уже не быть, и от того, что на соседней улице растет дочь, зовущая папой другого, Гришкина душа покрылась коростой циничного равнодушия.

«Миллион-миллион-миллион алых роз…» – запела Пугачева свой оглушительный хит, а он хмыкнул и выключил телевизор. Воткнул кассету в новенький «Грюндиг», купленный у приятеля в районе, и страдания нищего художника сменил Pink Floyd. Чуждая облику советского комсомольца музыка комсорга не смущала. Напротив, он находил странное удовлетворение в том, что может прийти домой и, сняв маску приторной правильности, достать из серванта початую бутылку, наполнить до краев стеклянную рюмку с золотой полоской по ободку и одним махом вогнать в глотку обжигающую прозрачную жидкость, потом поставить любимую кассету и насладиться свободой. Рамки этой свободы были тесными, как узкий ворот, но, даже такая, она возвращала к тем временам, когда он еще наивно верил. В любовь. В комсомол. В то, что жизнь – прямая и простая штука: будь честным, делай что должно, и все у тебя будет хорошо.

Сегодня он изменил правилу «одной рюмки». Осушив третью подряд и закусив хрустким огурцом с огорода, он мрачно посмотрел на большую немецкую куклу с серебристыми волосами, которая сидела на трюмо. Помня, что у Лидочки скоро день рождения, он съездил в город и достал подарок через знакомого в универмаге. Вот только Зоя сказала, что никаких подарков для дочери от него не примет, даже если никто не узнает, откуда взялась дорогая игрушка. «Не буду врать!» – заявила она и даже не опустила глаза.

Гриша покачал головой и снова потянулся к бутылке. Зоя не хочет врать! Зоя, живущая в такой лжи, что он не переставал удивляться, где она находит отчаянную смелость и волю, чтобы держаться настолько уверенно даже перед ним. Налить рюмку не успел – за окном шарахнуло, и дрогнувшая от неожиданности рука пролила остатки «Столичной» на любимую мамину скатерть.

* * *

– Анатолий Дмитриевич, вы располагайтесь, – застенчиво улыбнулась совсем молоденькая девушка.

Главный инженер молокохозяйственного отделения совхоза «Рассвет» рассеянно покивал, оглядывая скудное убранство номера в гостинице при районном Доме колхозника. Четыре кровати, четыре тумбочки с перекошенными дверцами, открытая вешалка в неглубокой нише. Полированный стол с неизменным графином и стаканами. Над кроватями – помутневшие колокольчики бра. Убранством номер походил на комнату общежития, в котором Анатолий жил во время учебы в институте. Впрочем, именно общежитием эти десять комнат и служили в страду для шоферов, комбайнеров и прочего люда из других районов, приезжающего на подмогу совхозу. Совсем скоро здесь будет не развернуться, но пока гостиница пустовала. Ему пришлось остаться здесь до утра, потому что у поселкового «уазика» забарахлила раздатка, а местные механики сказали, что придется ждать дня два. Он позвонил в поселок и договорился, что утром за ним пришлют другую машину.

– Мне бы чайку, милая, – обратился он к девушке, ослабляя галстук.

– Лариса, – покраснев, представилась она. – Конечно! Буфет уже не работает, но у меня есть плитка, я вскипячу чайник. И еще есть бутерброды – мама всегда собирает на смену, а я не ем по ночам – это же вредно… Будете?

Ее смущение выглядело таким по-детски наивным и искренним, что Велейкин невольно улыбнулся:

– А давайте! Я поесть-то не успел, думал, что буду дома ужинать, но вышла задержка, так что ваши бутерброды будут очень кстати.

Девушка упорхнула, обрадованная возможностью услужить гостю, а Анатолий подумал, что туго ей придется, когда сюда набьются командированные на уборку шоферюги. С девушки его мысли перескочили на жену – как она там? Как девочки? Он надеялся, что из управления кто-нибудь предупредит Надю о его задержке.

Стянув с шеи галстук и расстегнув верхние пуговицы на рубашке, он уселся на скрипнувшую пружинами кровать. Прикрыл глаза и подумал: «Девочки будут капризничать, Наде придется самой читать им сказку, а Танюшка любит, чтобы читал я…» Двухлетняя Аня повторяла за старшей, четырехлетней сестрой абсолютно все, так что Надежде предстояло вытерпеть двойную порцию капризов.

Девочки были самой большой радостью в семье, ведь Надя шесть лет не могла забеременеть, а потом вдруг одна за другой родились сразу две дочки! Анатолий в них души не чаял и баловал, как только мог. Жена ворчала иногда, что он их окончательно испортит, но смотрела при этом ласково, так что ее ворчание ни отец, ни дочери всерьез не воспринимали.

* * *

В новом доме Охриповых на краю поселка двухлетняя Галя спала, раскинув ручки. Челка прилипла к влажному лбу, веки вздрагивали. Нонна поправила сбитую простынку, которой укрывала дочь, чтобы защитить от мошкары, и вышла из комнаты, оставив дверь полуприкрытой. По скрипучей лестнице спустилась вниз и остановилась в дверях большой, скудно обставленной комнаты. Тяжелый живот стиснуло, словно в клещах сжало, и Нонна охнула, выгибая поясницу.

– Рано, маленький, рано, – зашептала она, подхватывая живот снизу двумя руками. А он стал твердым, каменным, будто чужим.

До появления Гали на свет на здоровье Нонна не жаловалась, но после родов как-то ослабела, несмотря на то что ей было всего двадцать четыре года. Казалось бы – запрягай да паши. В девичестве она такой и была: крепкая, высокая, кровь с молоком. Муж очень хотел сына, так что мысли рожать или нет у нее даже не возникло. Думала: «Родила одну, рожу и второго». Только вторая беременность давалась ей нелегко с самого начала, а сейчас, на восьмом

месяце, и вовсе измучила.

Нонна с тоской поглядела в темноту за окном – муж уже должен был вернуться с поля, но его все не было, и ее охватило острое чувство тревоги. Спазм отступил, и Нонна оторвалась от стены, но не успела и шага сделать, как по ногам потекло теплое. Она снова охнула, теперь уже от страха, и, сжав ноги, словно ребенок мог выскочить из нее прямо на пол, засеменила через комнату.

Поясницу пронзила резкая боль, живот отозвался жестким спазмом. Нонна хватанула воздух широко открытым ртом и боком завалилась на диван. Боль нарастала, ослепительная и ослепляющая. Женщина едва осознавала, где она и что происходит. В какой-то момент услышала хриплый вой и открыла глаза, сообразив, что вой идет из ее же горла.

Над лицом склонилась маленькая Галя и огромными глазами смотрела на мать.

– Иди наверх, – прохрипела испуганной девочке Нонна и снова провалилась в оранжевый омут боли.

* * *

В длинном здании телятника разом вздернулась вся скотина. Стельные коровы ревели и ломились с привязи, телята бились в своих загонах. Вой ветра и грохот молний сводили их с ума. Где-то зазвенело выбитое стекло, и Зоя успела удивиться – как можно было расслышать что-либо в этом гвалте? А потом проход как-то разом заполнился дымом и кто-то заорал: «Горим!»

Негнущимися пальцами, задыхаясь, она принялась отстегивать ошейники жалобно вопящих телят.

– Не открывай стойла! – давясь и кашляя, прокричала ветеринар из задымленного прохода. – Выпустим коров сначала, иначе затопчут!

Зоя Зимчук, ветеринарный врач Елена Михайловна Кузьмичева, доярки родильного цеха и все, кто находился в ту ночь в телятнике, не могли видеть, что горит не только их здание – полыхали коровники, полыхала вся ферма, и выбраться с нее уже никому не было суждено.

* * *

В половине третьего ночи с опаленными шкурами на улицу Ленина вылетели первые коровы из тех, которых успели выпустить. Они с топотом неслись прочь от огня, снося шаткие ограды дворов, сталкиваясь и ревя. Инстинкт вел их к реке. Именно эта небольшая часть стада, обезумевшая от ужаса, и разбудила поселок, а не непрерывно бабахавший гром и не зарево, полыхавшее на половину ночного неба. Люди в Малинниках начинали просыпаться, с недоумением выглядывая в окна, отсчитывая последние секунды неведения.

* * *

Григорий Стрельников оторвал от подушки гудящую голову и моргнул. Первой мыслью было: «Проспал!» – из окна бил красноватый утренний свет. Но через миг он осознал свою ошибку – далекие крики и грохот заставили его скатиться с кровати и на ходу, подпрыгивая, сунуть ноги в домашние синие треники. Вид с крыльца моментально сбил с комсорга весь хмель: совсем недалеко пылали крыши частных домов и курчавились в огне верхушки яблонь за два участка от соседнего. Небо походило на учебную картинку по гражданской обороне – эпицентр ядерной катастрофы должен был выглядеть именно так.

Порыв горячего ветра заставил его отвернуться, и краем глаза он заметил, как в соседнем дворе торопливо пихает что-то в багажник «Волги» жена директора. Не думая, Григорий слетел с крыльца и, перемахнув соседский забор, оказался возле заведенного автомобиля.

– Куда? – заорал он, дернув женщину за руку.

К стеклу заднего окна, в котором отражалось чудовищное зарево, прилепились две физиономии копыловских пацанов.

– За реку! – крикнула в ответ белая, как тесто, Марина.

– Отойди, – холодно приказали со спины, и Григорий обернулся.

Там стоял директор с узлом в руках. Он сунул узел в руки жене, захлопнул багажник и полез на водительское сиденье.

Гриша отупело озирался. «Бежать!» – вопил инстинкт. «А как же люди? Лидочка? Зоя?» – проскочило по краю сознания. Он рванул дверь машины на себя.

– Антон Кирьяныч, Лиду, Лиду Зимчук вывезите! По пути же вам! Она – дочь моя! – завопил он, срывая голос и не давая молча пыхтящему Копылову закрыть дверь.

Где-то совсем рядом затрещало и с грохотом рухнуло. В небо взметнулся рой искр.

Копылов газанул, «Волга» взревела на месте, в салоне заплакали дети.

– Хорошо, – рявкнул он. – Отпусти же!

– Слово! Слово дайте! – как безумный продолжал цепляться за дверь машины Гришка.

– Б… заберу!

«Волга» сорвалась с места и, протаранив незапертые ворота, выскочила на улицу. Гриша остался стоять во дворе, глядя на сорванную с петель воротину, косо повисшую на столбе. Через секунду и он сорвался и помчался в сторону фермы. «Зоя-Зоя-Зоя», – стучало в мозгу.

* * *

Олега Михайлова разбудил громкий треск с улицы. Он скривился, намереваясь перевернуться на другой бок, но рядом подняла голову беременная Вера.

– Олежек, что это?

В окнах полыхала неестественно алая заря, запах дыма коснулся ноздрей одновременно с ясным пониманием: «Беда!»

– Одевайся, – сорвался с постели Олег.

Сонная жена никак не могла отвести взгляд от окон.

Олег выскочил во двор и натолкнулся взглядом на большую корову, застрявшую в изломанной секции забора. Морда у нее была очумелая, а в глазах горели красные отсветы. Он завел микроавтобус и бросился к воротам. Зарево большого огня освещало двор, как днем. Вера спустилась с крыльца, прижимая к округлившемуся животу тощую сумку.

– Я документы…

– Залезай! Нужно людей вывозить! – прикрикнул Олег и добавил чуть мягче: – Скорее.

Страх сжимал ему грудь так сильно, что стало трудно дышать. Или это включил тревожную кнопку запах гари?

По улице метались перепуганные соседи, кто в чем.

Олег высунулся из окна микроавтобуса и, перекрикивая рев ветра, треск огня и панические вопли, заорал:

– Сюда!

«Рафик» набился за минуту. Олег газанул, и машина понеслась к старому мосту через Камышовку.

Выгрузив растерянных людей на другом берегу реки, он развернулся и помчался обратно в поселок. Навстречу проскочила директорская «Волга». «Отлично, – подумал Олег, – больше людей увезем». Он не знал, что Копылов не вернется в Малинники, а будет лететь, не останавливаясь, аж до пожарной части в районе.

К дому главного инженера Олег подкатил на третьей ходке. Кто-то испуганно кричал ему из забитого людьми салона, что места больше нет и зачем, зачем он

едет туда, где уже все горит, но Олег заметил в мансардном окне чью-то белую руку, которая вяло махала в просветах густого дыма.

Резко тормознув, он выскочил из-за руля и, загораживаясь рукой от жара, сунулся к крыльцу, у которого горела крыша вместе с резным наличником. До мансарды огонь вроде бы не добрался, но первый этаж тут и там лизали языки пламени. Олег успел поставить ногу на ступеньку, и в этот момент навес рухнул, зацепив его по касательной. Какой-то миг Олег еще собирался подняться с земли и пробиваться дальше, пока не понял, что его что-то держит. А потом пришла резкая боль.

* * *

Тракторист Войнов увидел, как крыльцо обрушилось прямо на Олега, и выскочил из машины, грубо оттолкнув жену, которая с воем попыталась его удержать.

Опорная балка козырька придавила Михайлову руку и, весело потрескивая, горела у самого его лица, опалив волосы и брови, сожрав большой кусок нейлоновой майки на груди. Опасливо косясь на горящий дом, в котором исходила криком семья Велейкиных, Войнов ногой отпихнул балку в сторону и потащил парня к машине.

– А ну, раздвинься, – прохрипел он и закашлялся, с трудом втискивая в салон безжизненное тело Олега Михайлова.

Обежал машину и сел за руль. Резко, так, что завизжали шестерни, воткнул передачу и погнал на ту сторону, уже не останавливаясь. Ему казалось, что жадное пламя гонится за оранжевым микроавтобусом по пятам.

* * *

В потемках Семен Зимчук вытолкнул во двор перепуганную тещу и велел ей идти к реке. Сонная Лидочка терла глазки и хныкала. Он присел на корточки.

– Доча, иди с бабулей. Я заберу маму, и мы скоро придем, хорошо? – как можно спокойнее попросил он, а у самого сердце заходилось от тревоги. За деревьями

сада не было видно ничего, кроме полыхающего зарева. Но и этого было достаточно, чтобы Семен испугался не на шутку, а тут еще ревущее стадо, которое и заставило его разбудить тещу и дочь.

Переулок, в котором они жили, был примерно в центре поселка, но, выведя дочку и тещу на улицу Ленина, Семен пришел в ужас – повсюду метались люди, на окраине поселка горел лес, и уже вовсю полыхали дома со стороны фермы. Сердце подпрыгнуло и остановилось.

– Бегите! – повернулся он к родным.

Рядом тормознула «Волга» директора.

– Сюда! – крикнула из окна директорская жена.

Теща растерянно оглянулась на Семена. Он подхватил хнычущую Лиду на руки и втиснул в салон, туда же пропихнулась и Александра Васильевна. «Волга» дернулась и исчезла в темноте – фонари не горели, и дальше по улице еще царил мрак.

Едва увернувшись от совершенно чокнутой, галопом проскакавшей ему навстречу коровы с облезающей на глазах шкурой, Семен побежал на ферму. Впереди что-то рвалось с пушечным грохотом, по обеим сторонам улицы полыхали дома и сады.

– Помоги-ите! – услышал он и дернулся вправо. Возле колонки корчилась окровавленная женщина со свертком на руках, за подол ее расстегнутого халата цеплялась девочка чуть младше Лидочки, а рядом уже занимался огнем пышный куст.

«Зоя-я!» – взорвалось сознание. Нужно было спешить на ферму, но Семен никак не мог отвернуться от застывшего взгляда девочки. В ее глазах плясали отражения оранжевого пламени.

Мимо пробежал комсорг Стрельников с абсолютно безумным лицом. Он тоже несся прямо в огонь, туда, где пылала в чудовищном аду пожара ферма.

– Помо… – крикнул было ему в спину Семен, но женщина неожиданно тяжело повалилась на землю, выронив из рук свой кулек. Тряпки развернулись, и из них показалась крохотная, неестественно красная ручонка, вяло упавшая в пыль.

Выдав звериный крик отчаяния, разодравший ему глотку и душу, Семен подхватил женщину, пытаясь поднять ее на ноги, но она оседала, выскальзывая, вся покрытая кровью, холодная посреди жара. Девочка молча стояла рядом, вытаращив глаза и засунув в рот, кажется, все пальцы на руке. Младенец был мертв.

– Мать, мать твою! – завыл Семен, бросил безумный взгляд в сторону фермы и схватил девочку.

Она, словно окаменелая, деревянно выгнулась в руках напряженным тельцем. Так, держа ее под мышкой, словно чурку, Семен и побежал прочь от огня, чувствуя, что жар уже лижет затылок, и надеясь на невозможное, на то, что огонь обошел ферму стороной, что люди успели убежать – ведь успели же они выпустить стадо? – и утром Зоя вернется. А дома – что? Отстроятся дома. Он почти убедил себя в этом, добежав до моста, а потом увидел на другой стороне людей, освещенных заревом, и оглянулся – огонь жрал Малинники дом за домом, и ничего было уже не разобрать за ревущей стеной пламени.

* * *

Последним из пожара выбрался Гришка Стрельников, волоча за собой надсадно кашляющего и ослепшего от дыма старика Хромова и его непутевого сынка Ефима, который хоть и был, по обыкновению, пьян, а ногами перебирал бодро. Гриша смог добраться только до полыхающей МТС и, задыхаясь от дыма и жара, повернул назад, плача и проклиная все на свете, а на дороге подобрал старика с сыном…

Уцелевшие жители Малинников безмолвно стояли на высоком берегу Камышовки и завороженно смотрели на то, как на другой стороне реки огонь пожирает их прежние жизни, когда, уже на рассвете, на дороге показались пожарные машины из района…

Глава 2

Ника

Малинники. Наши дни

Галина Сергеевна Охрипова, усталая женщина с печальными глазами, снимала с веревок белье, которое жильцы дома номер шесть по Заречной улице, в просторечии – Панелек, сушили под окнами.

Эта сторона дома была солнечной, да и дорога проходила с другой стороны, так что здесь не пылили машины. За покосившимися железными столбами с веревками начинался склон, заросший высокой травой, с которого отлично просматривались утопающие в зелени крыши Кирпичиков – кирпичных домов на Центральной, красная черепица школы на улице Ермака и блестящие, словно алмазы, острые грани теплиц за поселком.

Галина Сергеевна складывала последний, вкусно пахнущий солнцем и летом пододеяльник, когда из открытого окна на первом этаже послышался высокий прерывистый вой. Она бросила на землю большой алюминиевый таз и семенящей рысцой поспешила за угол, к своему подъезду.

Ванечка выл и плакал, не открывая глаз. Его голова металась по подушке, редкие длинные волосы прилипли ко лбу и щекам, потемнев от пота, изо рта стекала струйка слюны. Галина Сергеевна привычным движением окунула в миску с водой кончик махрового полотенца, отжала и приложила ко лбу сына. Вой оборвался на высокой ноте. Ресницы Вани дрогнули, он всхлипнул и проснулся.

– Мам-ма, – прошептал он, хватая ее за руку, – мама, страшно!

– Тихо-тихо, мальчик мой. Это сон. Плохой сон, – успокаивала его Галина Сергеевна, а у самой замирало сердце.

Плохие сны снились Ванечке нечасто. И потом обязательно происходило что-нибудь нехорошее. Словно ее несчастный ребенок мог каким-то невероятным

образом предвидеть грядущие беды.

– Ходить. Ходить!

Ваня спустил с дивана ноги и поднялся во весь рост. Даже учитывая сутулость, он едва не задевал головой скромную трехрожковую люстру с простенькими плафонами белого стекла. Притопывая в нетерпении, он бестолково тыкался руками в короткие рукава чистой рубашки, повторяя: «Ходить. Много ходить».

– Не уходи далеко, милый, – обреченно вздохнула Галина Сергеевна, провожая его до дверей.

Несмотря на диагноз – слабоумие, – двадцатилетний Ваня Охрипов был существом тихим и безобидным. Любил собак и кошек, ловил стрекоз у реки, но близко к воде не подходил – боялся. В Панельках Ваню знали и жалели. Обижать несчастного долговязого паренька считалось позорным, а потому даже разбойники-близнецы Толик и Саша Тимофеевы из пятого дома никогда не осмеливались его дразнить.

Ваня быстрым шагом пересек длинное пространство двора между рядами домов, глядя себе под ноги и что-то бормоча. Остановился на краю дороги, долго смотрел налево, потом направо, перешел на другую сторону и направился к мосту. Мимо проехал шестичасовой автобус до райцентра. Парень остановился и помахал ему вслед. С заднего сиденья кто-то помахал в ответ. Ваня улыбнулся, но тут же нахмурился снова и быстро пошел вперед, шаркая ногами в пыльной траве на обочине. Солнце припекало ему плечи и затылок.

* * *

Серега сидел на перевернутой бетонной урне и смотрел в конец дома напротив, ожидая, когда из-за него появится стройная девичья фигурка. Невысокая и хрупкая, Ника совсем не походила на свою слоноподобную мамашу ни телосложением, ни чертами лица. Только большие серые глаза, ясные, внимательные, были такими же, как у Лидии Семеновны. Серега Никину мать побаивался, как, впрочем, и многие в поселке, а потому предпочитал дожидаться подругу возле соседнего подъезда.

Время шло, а девушка все не появлялась. Вытянув из кармана телефон, Серега посмотрел на часы. Цифры на экране заставили его насупиться – было без четверти семь. Ника уже с полчаса как должна была вернуться. Поддавшись неожиданному холодку тревоги, Серега резко поднялся на ноги и, по-бычьи наклонив коротко стриженную голову, пошел наискосок через длинный двор Панелек. В Старый поселок вела одна-единственная дорога, так что разминуться с Никой он не опасался. Мало ли почему она могла задержаться? Может, товар привезли? Купание, судя по всему, откладывалось, но не встреча.

Среднего роста, широкоплечий и смуглый от загара, Серега Царев быстро шагал по выбитому асфальту, хмурясь и упрямо сжимая губы, еще по-детски полные, но уже окруженные тенью щетины. Месяц назад ему исполнилось восемнадцать, и он считал себя взрослым, что бы там ни говорила мама.

Завернув за угол крайнего дома – четырехэтажной панельной коробки, одной из шести, которые и составляли этот, обособленный от поселка, район на Заречной улице, – он оказался на дороге. Она плавно сбегала с холма к мосту, и там, ближе к середине, горбилась у перил одинокая мужская фигура. До самых буйно и дико разросшихся деревьев Старого поселка на другом берегу реки больше никого не было видно. Пустынная дорога серой лентой ныряла в них и исчезала в тени.

Низкое солнце уже не палило так безжалостно, но раскаленный за день асфальт щедро возвращал накопленный жар, так что о прохладе можно было и не мечтать. Спускаясь к мосту, Серега покосился в сторону пляжа – не опоздай Ника, они уже купались бы там!

Он снова нахмурился и прибавил шаг. Опаздывать было совсем не в Никиных правилах. Она отличалась болезненной пунктуальностью, над чем Серега, относившийся к жизни значительно проще, посмеивался время от времени.

На мосту – невиданное дело! – ему встретился Ваня-дурачок. Долговязый и такой сутулый, что под футболкой выпирали лопатки, похожие на обломки крыльев, с длинными худыми руками и такими же длинными худыми ногами, он напоминал странную птицу. Он топтался на месте, опасливо косясь на ленивую коричневатую воду. Внизу, на узкой полоске ржавого песка, бесилась стайка подростков. С визгом и писком они носились друг за другом, прыгали с разбега в мелкую рябь.

– Иди домой, – посоветовал Ване Серега, проходя мимо.

Тот испуганно посмотрел на него и скривился, дернув губами.

– Стра-ашно, – прошептал он, неожиданно сунувшись Сереге прямо в лицо. Брызнула слюна.

– Тьфу ты! – Серега отмахнулся, вытер щеку и повторил с нажимом: – Ваня, иди домой!

Лицо паренька снова скривилось. Большие влажные губы задрожали, словно он собирался заплакать, но вместо этого послушно повернулся и побрел в сторону Панелек, втянув голову в плечи и что-то неразборчиво бормоча себе под нос.

Оставив за спиной обмелевшую за лето Камышовку, Серега и думать забыл про Ваню-дурачка. Он быстро миновал старое пожарище, заросшее одичалыми яблонями вперемежку с молодыми елями и осинами, и вышел на улицу Ленина. Она единственная, если не считать десятка дворов в Тропинках, уцелела в Старом поселке после давнего пожара.

Магазинчик «Продукты», под который переделали старый кирпичный гараж на одном из пустующих участков у дороги, оказался закрыт. Дверь перечеркивала стальная полоса, из прорези в которой выпирала тронутая ржавчиной петля для навесного замка. Сам замок, весьма внушительного вида, вполне себе присутствовал. Больше похожий на ларек, этот магазинчик, куда Ника устроилась продавщицей на лето, работал до шести, и она явно ушла, но куда?

Серега в растерянности потоптался перед запертой дверью, зачем-то заглянул в зарешеченное окно, но ничего не смог разглядеть. Пнув попавшуюся под ноги жестянку из-под пива, он достал телефон и в очередной раз набрал Никин номер. Не дослушав равнодушное сообщение автомата, попытался сообразить, куда могла подеваться девушка. Думать мешали разочарование и гнев – они ведь договорились встретиться! Меньше чем через месяц Ника уедет в город, в институт, а Серега отправится в армию с осенним призывом. От обиды и недоумения его бросило в жар, сами собой сжались кулаки. Ведь она же говорила, что это последнее лето перед разлукой!

С трудом справившись с эмоциями, он свернул с улицы Старого поселка и углубился в заросли кустарника, решив, что единственное место, куда она могла отправиться, – дом отца. Серега там никогда не бывал, но по Никиным рассказам знал, что ее отец живет у продавщицы из «Тысячи мелочей» где-то в Тропинках, за пустырем. Полный решимости высказать девушке свое негодование, Серега напролом продирался сквозь дикую малину. «Найду, – думал он, – и все, блин, выскажу!»

Впервые по-настоящему он заметил Нику Бойко на линейке первого сентября. Стоял и таращился на нее, как последний дурак. Даже рот приоткрыл и не слышал, как классная сердито пыталась приструнить свой шестой «А», покрикивая на галдящих мальчишек и хихикающих девчонок. Ника стояла совсем рядом и что-то рассказывала кривоногой Машке. Прямая, как по линейке прочерченная челка завешивала лоб, а из-под нее на Машку смотрели удивительно чистые глаза. Губы шевелились, но слов Сережа не разбирал. Только смотрел и смотрел на девочку, залитую мягким светом сентябрьского солнца, не в силах поверить, что проучился с ней в одном классе целых пять лет!

Позже он часто думал, как бы поступил, если бы мог знать тогда, что жизнь превратится в муку на долгих четыре года. Ника никак не реагировала на его неумелые попытки привлечь внимание, разве что была всегда неизменно вежлива. Даже тогда, когда, сгорая от разочарования, он делал глупости вроде кнопок на ее стуле или дерганья за косы. «Зачем ты так?» – спрашивала она, серьезно заглядывая ему в глаза, и Серега заливался краской стыда.

Все изменилось на экзаменах в девятом классе. ОГЭ был для Сереги чем-то вроде прыжка в ширину – чтобы попасть в десятый, нужно было набрать необходимое количество баллов, а чтобы их набрать, предстояло вывернуться наизнанку. Но Ника-то стопроцентно останется в школе, а значит, и Сереге нужно было пробиться. Дошло до того, что русичка, оценив его потуги, сама напросилась помогать…

В утро перед последним экзаменом Серега пришел к школе слишком рано. Он уселся на «трибуну» – три жалкие скамейки перед спортплощадкой и замер, ни о чем не думая. Предчувствие провала грызло его всю ночь, не давая спать.

– Сережа, ты нервничаешь?

Не веря своим ушам, он вскочил на ноги и с глупым видом вытаращился на Нику. Она заправила волосы за уши и закрепила нарядным ободком. В утреннем свете мелкие камешки на нем сияли и переливались белым и синим, словно бриллиантовая корона.

– Можно, я с тобой посижу? – спросила она снова, не дождавшись ответа.

Серега, лишившийся дара речи и возможности дышать, только кивнул и рухнул обратно на скамейку. Ника аккуратно расправила короткую юбку и присела рядом.

– Я тоже нервничаю, – вздохнула она.

– Ты? – выдохнул наконец Серега. – Ты же отличница, с чего тебе нервничать?

Она пожала плечами.

– Я экзаменов боюсь, – призналась Ника и повернулась к нему. – Просто сердце каждый раз останавливается от страха.

Сердце останавливалось у Сереги, вот прямо сейчас и замирало, правда, по другой причине, так что он мог посочувствовать Нике совершенно искренне.

– А ты не думай об этом. Забудь про экзамен. Представь, что это просто контрольная. Ты же их как семечки щелкаешь.

По ее лицу проскользнула тень улыбки, но глаза остались печальными.

– Спасибо, я попробую.

– Даже не сомневайся, сработает. Только представь как следует!

У него кружилась голова от ее близости, от тонкого запаха чистых волос, от того, что, сама того не замечая, она легонько касалась его локтем. О том, что сам сидел и боялся еще пять минут назад, он уже напрочь забыл. Весь мир сузился до облупленной скамейки за школой, теней от старой липы, гуляющих по ее круглым коленкам, и розовой щеки, покрытой невесомым, золотившимся в

утреннем свете пушком.

– А ты, оказывается, добрый, – удивленно сказала Ника и задумчиво, как-то по-особенному внимательно на него посмотрела.

Серега замер. Сердце пропустило очередной удар и никак не хотело запускаться снова, а когда запустилось, принялось молотить отчаянными и сильными толчками, сбивая дыхание.

После экзамена они возвращались из школы вместе. Окрыленный, Серега каким-то чудом наскреб необходимый минимум…

* * *

Тропинки так прозвали не зря. Нормальных дорог здесь не было, но через огромный пустырь, заросший травой по пояс и густым кустарником, вели народные тропы. Они разбегались и соединялись снова, направляя Серегу к цели. Первый дом возник неожиданно: кусты расступились, и Серега уперся носом в посеревший от времени штакетник. Немедленно загремела цепью и залаяла собака.

– Эй, есть кто? – крикнул он, опасаясь подходить слишком близко. Проверять длину цепи не хотелось.

– Что надо? – отозвался из-за забора мужской голос.

– Кто там? – перебил его женский и добавил несколько слов не по-русски.

«Цыганский дом!» – осенило Серегу.

В Тропинках было всего домов пять-шесть, остальные после пожара никто не восстанавливал. Район этот считался местными трущобами, чего только стоил дурной славы «цыганский дом». Серега слышал, что теперь в нем обитает большая семья не то таджиков, не то узбеков, но когда-то здесь действительно селились цыгане и доставляли жителям Старого поселка немало хлопот…

– Я ищу продавщицу из «Тысячи мелочей», – ответил он. – Не подскажете, где она живет?

– С другой сторона иди. Синий дом будет. Иди, собака злишь.

– Спасибо!

Серега почесал исхлестанную травой лодыжку и побрел вдоль забора. Небо начинало темнеть, и ему не терпелось поскорее выбраться из зеленого лабиринта к нормальному человеческому жилью.

«Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – в который раз равнодушно сообщил Сереге автомат. В груди шевельнулся кусочек льда, заставив парня зябко повести плечами. А если Ники не окажется и у отца?

Сквозь заросли одичавшей малины проглянули огоньки. Синие стены дома в сумерках казались совсем черными, зато два окна манили приветливым теплом желтого света.

Серега выдрался из кустов, не обращая внимания на расцарапанные в кровь руки, и одним прыжком перемахнул невысокий заборчик. Сейчас его не волновало, есть ли во дворе собака и как отреагируют хозяева на столь бесцеремонное вторжение. Его слегка потряхивало на нервяке.

Чтобы отыскать вход, пришлось обойти дом. Отмахиваясь от осмелевших к вечеру комаров, он поднялся на крыльцо и постучал. Понимание, что Ники в доме нет, пришло одновременно с появлением ее отца в проеме открывшейся двери. Высокая суховатая фигура, освещенная со спины, замерла на пороге.

Андрей Бойко молча разглядывал Серегу с неразличимым в темноте выражением лица.

– Ты ведь фельдшерки сын? – спросил он наконец. – Что тебе здесь надо?

Серега замялся. Несколько месяцев назад семейную жизнь Бойко не обсуждал только ленивый, и Никин папаша даже расквасил пару особо любопытных носов, сунувшихся не в свое дело…

– Я не к вам, – пробормотал парень, прихлопнув комара на шее. – Я Нику ищу.

– Здесь? – искренне удивился мужчина. – Нет ее у нас. А в чем дело?

За его спиной мелькнул женский силуэт, на секунду загородив источник света, и Серега разглядел, что Никин отец хмурится. Помедлив, парень набрал полную грудь воздуха и выпалил то, что занозой засело в груди:

– Ника пропала. С работы ушла, а дома не появилась. Телефон отключен, магазин закрыт на замок, и у вас ее, значит, тоже нет…

Мужчина хмыкнул:

– Пропала, говоришь? Мало ли какие у нее дела? Ты-то ей кто будешь?

Почувствовав, как шею и лицо заливает жар, Серега дернулся. Комары, кажется, тоже это почуяли, и целая звенящая эскадрилья устремилась к его щекам и голой шее.

– Я – ее парень! – с вызовом заявил он и зачем-то добавил: – Мы собираемся пожениться.

– Неужели? – в голосе Бойко звучала насмешка. – Слушай, жених, шел бы ты домой. Уверен, Ника давно вернулась, а ты шаришься тут в темноте, только людей баламутишь. С чего ты взял, что она вообще может сюда прийти?

Серега промолчал. Не мог же он сказать, что узнал об этом от самой Ники? Она держала свои визиты к отцу в тайне, не хотела, чтобы узнала мать. Считала, что «ее это убьет».

– Ладно, – пробормотал он и треснул кулаком по перилам крыльца. – Извините.

Уже спустившись, чтобы уйти тем же путем, которым пришел, он услышал:

– Эй, малец, через калитку иди. Там вкругаля грунтовка до Ленина. На пустыре в темноте заплутаешь.

* * *

Лидии не спалось. Она ворочалась в постели, то утыкаясь носом в засаленные обои, то переворачиваясь на спину. В таком положении большие мягкие груди расползались по сторонам, вываливаясь из растянутых вырезов старой ночной рубашки, и жарко прилипали к вытянутым вдоль тела рукам. Она вздыхала, переваливалась на другой бок, но там мешал заснуть назойливый луч закатного солнца, бьющий сквозь щель в неплотно задернутых шторах. Ей было душно и тягостно. Хотелось завыть от отчаяния, словно она была не крепкой бабой сорока лет, а старой подзаборной собачонкой…

Около семи вечера она наконец встала, не выдержав дальнейших мучений, и поплелась на кухню, шаркая босыми пятками по голому линолеуму. В квартире висела густая знойная тишина, которую тщетно пыталось разогнать громкое тиканье пузатого будильника – такого старого, что Лидия помнила, как он поднимал на работу еще ее бабку.

В тяжелой со сна голове мысли едва ворочались. Ника еще не вернулась. Лидия с трудом припомнила, как дочь звонила днем, предупреждала, что пойдет на речку с Сережей. Подумав о Нике, Лидия невольно улыбнулась. Кажется, даже ломота в пояснице на миг отступила.

Дно бледно-желтого эмалированного чайника лизнули язычки огня. Лидия потушила спичку резким взмахом руки и выглянула в окно поверх разросшегося алоэ, распустившего по всему подоконнику зеленые щупальца. Во двор вползали знойные сумерки, и там было пусто. Одиноко торчал под поникшей рябиной покрытый пылью кузов старенькой соседской иномарки. Как сломалась зимой, так и прикипела колесами к земле за вытоптанной детской площадкой с облезлым каркасом давно сломанных качелей. Там тоже было пусто. Ребятня до темноты паслась возле речки, которая этим летом совсем обмелела из-за отсутствия дождей.

Из дома напротив вышла старушка Матвеевна. Тяжело опираясь на трость, она доковыляла до скамейки у подъезда и села, сложив на коленях руки, сухие, словно птичьи лапки. Больше ничего интересного за окном не происходило.

Чайник зашумел, фыркнул, принялся сердито плеваться кипятком из короткого носика. Лидия выключила газ и потянулась за кружкой. Ее пышное тело

обдавало жаром от нагретого подоконника, от горячего чайника, от пылающего где-то в самой сердцевине ее существа огня неутоленных желаний, и только босые ноги охолаживал ползущий по полу сквознячок.

До начала ночной смены в теплице оставалось еще два с половиной часа, и Лидия могла не торопиться, но непонятное чувство отчаяния не проходило, наоборот – усиливалось, и теперь к нему добавилась тревога. Женщина отставила в сторону недопитый чай, резко, так, что болезненно хрустнули колени, поднялась и отправилась в душ, но прохладная вода тревогу не остудила. Сердце билось частыми толчками, разболелась голова. «Давление подскочило», – подумала Лидия, но вместо того, чтобы приладить на руку тонометр и выпить таблетку, принялась торопливо одеваться. Ткань платья застревала, цепляясь за влажную кожу, и женщина пыхтела, нелепо извиваясь грузным телом до тех пор, пока не смогла наконец застегнуть на боку молнию.

«Таки-так, таки-так», – громогласно тикал будильник в тишине квартиры, будто подгонял. «Поспе-ши, поспе-ши», – почудилось ей. Да куда спешить-то? До работы уйма времени! Тепличная развозка приедет к Панелькам в девять двадцать, как обычно… Черные стрелки на белом циферблате показывали семь часов пятьдесят минут.

Тишину пронзила резкая трель дверного звонка. От неожиданности Лидия вздрогнула всем телом. По голове пробежал противный зуд, словно там, под волосами, разом закопошилась сотня муравьев или волосы просто зашевелились без посторонней помощи, будто живые. Ноги вдруг ослабели. Она ощутила секундный страх, даже ужас, и мгновенно вспотела от унизительной беспомощности, сковавшей тело. Звонок повторился – долгий, настойчивый. Он катился через небольшую прихожую, через комнату, прямо сквозь застывшую на месте Лидию и разбивался о полированные дверцы шкафа, в которых отражалась ее гротескно расплывшаяся, напряженная фигура.

– Кто там? – сорвавшимся голосом выкрикнула Лидия через комнату, не в силах сдвинуться с места и не понимая, что с ней происходит.

– Это я, Сергей. Царев. Лидия Семеновна, откройте!

Лидия нахмурилась, пытаясь сосредоточиться, и внезапно в памяти вспыхнула короткая сценка.

– Мам, можно, я в субботу в район поеду? В кино.

Ника возникла за ее спиной неожиданно, и Лидия едва не расплескала суп. Половник в ее руке дрогнул, но густой гороховый бульон только качнулся по ободку да желто капнул на дно тарелки.

Лидия обернулась:

– Доча, ну зачем так пугать? С кем в кино? С Ларисой?

Девочки дружили с младших классов, хотя теперь, в десятом, Лариса стала реже появляться в доме Бойко. Лидия даже порадовалась, что они снова собрались куда-то вместе, но, как оказалось, радоваться было рано.

– С Сережей.

Половник глухо стукнул о дно тарелки.

– С каким еще Сережей? – нахмурилась Лидия, глядя на дочь.

Ника привалилась спиной к холодильнику. Растянутая футболка с побледневшим от стирок медвежонком на груди сползла с одного плеча, и в овальной петле широкого ворота виднелась тоненькая ключица. Шорты, в которые с помощью ножниц совсем недавно превратились старые джинсы, были ненамного длиннее трусов и совершенно не скрывали худенькие, но стройные ноги дочери. Она по очереди поджимала их, стоя босиком на полу, и доверчиво смотрела на Лидию.

«Какой Сережа? Ей же всего шестнадцать! – в ужасе подумала Лидия. – Цыпленок натуральный! Ребенок! Этого еще не хватало!»

Воспоминание двухлетней давности промелькнуло за какой-то миг, но было настолько ярким, что Лидии понадобилась целая минута, чтобы прийти в себя.

– Иду! – громко ответила она Сереже, но ноги будто приклеились к полу, и ей потребовалось немалое усилие, чтобы действительно сдвинуться с места и дойти до дверей. Казалось, даже воздух стал густым и вязким, сопротивляясь. В ушах тонко звенело.

«Давление. Не упасть бы», – подумала она перед тем, как открыла дверь и увидела Сережино лицо.

– Ника не приходила, – медленно произнес Серега, заглянув через плечо Лидии Семеновны.

Он не спрашивал, хоть и надеялся на то, что произошла какая-то глупая ошибка. Что Ника откроет дверь сама. Протягивая руку к пожелтевшей кнопочке звонка, Серега уже знал, что Ники дома нет, и всего лишь пытался обмануть себя, отогнать это леденящее сердце знание. Так что, когда в дверях возникла Никина мама, он не спрашивал – утверждал.

Лидия Семеновна пошатнулась и ухватилась за косяк, как если бы Серега ее ударил.

– Н-нет, – неуверенно сказала она и тут же, словно спохватившись, грозно сдвинула брови: – Вы же были вместе! Где она?

Отступив на полшага, он пробормотал то же, что уже сообщал Никиному отцу: магазин закрыт, Ники нигде нет.

Глава 3

Участковый

Дима Михайлов (теперь все чаще – Дмитрий Олегович), участковый Малинников и единственный представитель закона в поселке, писал ответ на сообщение в «Ватсапе». С Киром, другом по учебе, он переписывался регулярно. Того распределили на Дальний Восток, но зато сразу в отдел по борьбе с организованной преступностью. Вчерашний курсант Михайлов втайне жгуче завидовал другу.

Дверь в комнату приоткрылась без стука, и Дима обернулся, заранее негодуя. Конечно, на пороге стояла мама. Он открыл было рот, чтобы напомнить ей, что

больше не мальчишка, а взрослый мужик, что врываться в комнату вот так – недопустимо, но что-то в выражении маминого лица его остановило.

– Что случилось?

Она протянула ему свой простенький мобильник:

– Это тебя, сынок. Лидочка Бойко.

Лидочка Бойко, по мнению Димы, уменьшительно-ласкательных не заслуживала. Гром-баба во всех смыслах, вечная бригадирша на работе и в жизни, прямолинейная, как столб, и такая же несгибаемая, она была из тех несносных борцов за абстрактную справедливость, которые считают свое понимание этой самой справедливости единственно верным. Что ей могло понадобиться в десять вечера?

Он взял телефон и сухо поздоровался:

– Добрый вечер, Лидия Семеновна. Я вас слушаю.

В мобильном сдавленно всхлипнули. Звук был влажным и противным, словно кто-то давился водой, пытаясь не утонуть.

– Димочка, гражданин участковый…

Гражданин участковый едва сдержался, чтобы не запустить телефоном в стену. Ну сколько можно? Он занимал эту должность четвертый месяц и все это время пытался отучить жителей поселка дергать его в любое время суток по малейшему поводу. С вышедшим на пенсию Захаром Ильичом они себе такого не позволяли!

– Лидия Семеновна, – деревянным голосом отчеканил Дима, прервав собеседницу, – если у вас ко мне дело, то приходите к девяти утра в участок. Там и поговорим. Спокойной ночи.

– Дима! – вскрикнула Бойко, словно ее ударили, и зарыдала так громко, что динамик телефона зафонил.

– Дима! – в унисон с рыдающей Бойко возмутилась мама и прошептала: – У нее дочь пропала. Нигде не могут найти…

– Что?

Девочку Бойко Дима знал. Тихая, вежливая, симпатичная выпускница. Единственная из всего выпуска, кому удалось поступить в институт в этом году. Полная противоположность матери.

– Успокойтесь, Лидия Семеновна, – уступил он. – Давайте по порядку…

– Пропа-ала-а, – провыла она.

Лейтенант Михайлов содрогнулся. Трудно было представить Лидию Бойко плачущей.

– По порядку, – скомандовал он, глазами указав матери на дверь.

– Ушла с работы и пропала. Домой не пришла. Сережа, ее мальчик, ждал во дворе, потом пошел навстречу, но ее нигде нет! Моя девочка!

Голос Лидии Бойко ввинчивался Диме в ухо, заставляя мобильник мелко вибрировать в руке.

– Так. Спокойнее, Лидия Семеновна, давайте разберемся…

– Спокойнее? – изумленно переспросила женщина. – Спокойнее?! – Теперь она перешла на крик.

– Если вы будете орать, – рявкнул почти оглохший Дима, – я прекращу беседу!

Это сработало. Бойко замолчала так резко, как будто подавилась словами.

– До которого часа работает магазин в Старом поселке?

– До шести.

– Во сколько обычно возвращается домой ваша дочь?

– В шесть тридцать, шесть сорок…

– Сегодня она никуда не собиралась после работы?

– Нет, я же сказала, ее ждал Сережа…

– Какой Сережа?

– Царев, с Окраек, Валентины-докторши сын.

Валентину Ивановну Цареву Дима, конечно, знал с детства, как и все, кто жил в поселке. Встречал и ее сынка – широкоплечего, вечно хмурого подростка.

– Царев отправился искать Нику, не нашел и позвонил вам? Лидия Семеновна, будьте благоразумны! Сколько Нике лет? Семнадцать?

– Восемнадцать будет через две недели, – прорыдал телефон.

– Мало ли почему восемнадцатилетняя девушка задержалась допоздна? Что же вы такой шум подняли? Пропала! И четырех часов не прошло… Если Ника не вернется к утру, а я уверен, что она вернется, приходите в участок, хорошо?

– Нет! Нельзя же так! Я заявление…

Бойко кричала что-то еще, но Михайлов оборвал разговор и вышел в прихожую. Мама дожидалась у двери.

– Мама, я прошу тебя, не поддавайся на эти уговоры, иначе у меня никакой жизни не будет.

Он сунул опешившей матери телефон в руки и с грохотом захлопнул за собой дверь.

В коридоре зазвучал приглушенный голос отца, и Дима прислонился к двери спиной, небольно пристукнув по ней затылком. Когда родители ушли в свою комнату, он вернулся к столу, но желание продолжать переписку пропало.

С самого детства, с тех пор, как начал понемногу соображать, Димка – младшенький и неожиданный ребенок – всегда оставался в доме на вторых ролях. А как еще, если в семье отец – герой, хоть и инвалид, а старший брат – пример во всем и образец для подражания? Вот только Димке вовсе не хотелось кому-либо подражать, ни отцу, ни брату, но только к тринадцати он смог понять, что именно этим и занимается. Старается если не переплюнуть, то хотя бы дотянуться до авторитета отца или безоговорочного превосходства Толика, брата, который был старше на девять лет… Где уж там! Тогда все и пошло наперекосяк. Димку заклинило. Он стал дерзить, болтаться по поселку с парнями постарше, почти забросил школу. К окончанию учебы все кончилось тем, что после пьяной драки он оказался в участке у Захара Ильича, прежнего участкового Малинников.

Крошечный загончик, отделенный от коридора толстой решеткой, позволял видеть всех входящих-выходящих. Бравада с Димки слетела быстро. Он хотел в туалет, проголодался и устал орать и дергать прутья «обезьянника», когда-то выкрашенные бледно-желтой краской, а теперь облезшие и покрытые пятнами ржавчины. Он понуро сидел на жесткой лавке у стены, когда с улицы в участок вошел отец. Бросив на Димку один-единственный взгляд, он скрылся за дверью кабинета. О чем там беседовал с ним участковый, Димка не знал и так никогда и не узнал, но, выходя, отец взглядом его не удостоил.

Захар Ильич продержал его за решеткой трое суток, что было нарушением любых правил. Еду и воду приносила уборщица тетка Зина. Поздно вечером третьего дня участковый втащил вконец отчаявшегося Димку в свой кабинет. За шкирку, как нашкодившего щенка. Бросил на стул и сказал:

– Если хочешь провести за решеткой всю жизнь, можешь продолжать в том же духе. Если не хочешь – через два месяца призыв. Иди-ка, дурень, в армию. Там доказывай свою крутизну таким же оболтусам, как ты сам. Бате с братом ничего доказывать не надо.

Тогда эти слова Димку не тронули. В армию он ушел, чтобы и правда в тюрьму не загреметь вместе с дружками. Догнала его наука Захара Ильича много позже.

И привела обратно в Малинники с погонами лейтенанта на плечах…

* * *

К утру об исчезновении Ники Бойко судачили все Малинники. Кто-то в Тропинках видел, как среди ночи в дом Ирины Степцовой, продавщицы из «Тысячи мелочей» и сожительницы Андрея Бойко, вломилась зареванная Лидия с намерением отыскать там свою дочь. Эта фантастическая история обрастала все новыми красочными подробностями, по мере того как перекочевывала из дома в дом.

На пустыре между Тропинками и улицей Ленина до рассвета мелькали огоньки фонариков, а окрестности оглашали голоса Лидии, Андрея, таджика Холика и Сергея Царева, зовущие Нику.

К девяти часам возле свежеокрашенной двери участка собралась небольшая толпа. Ближе всех ко входу стояли супруги Бойко, старательно избегавшие смотреть друг на друга. Андрей сутулился, засунув руки в карманы, зеленая футболка с логотипом известной марки кофе потемнела под мышками от пота. Он заметно нервничал, то и дело принимаясь крутить головой, словно у него сводило мышцы шеи. Лидия, напротив, выглядела отрешенной. Химические кудряшки печально обвисли, над правым ухом в волосах застряла сухая веточка. Женщина смотрела прямо перед собой, но, кажется, ничего и никого не видела. Под окном мялся осунувшийся за ночь Сергей Царев, рядом, сложив на груди руки, стояла его мать. На металлических перилах крыльца сидела, уткнувшись в телефон, Лариса Голубева, близкая подруга Ники. Поодаль шушукались между собой несколько любопытных зевак из местных.

Лейтенант Михайлов хмуро оглядел собравшихся. Все лица были ему знакомы, ведь он родился и вырос в Малинниках, а за несколько лет службы и учебы здесь ничего не изменилось. Он протиснулся к двери, окруженный настороженным, даже несколько враждебным молчанием.

– Супруги Бойко, за мной, – строго скомандовал участковый и вошел в узкий коридорчик участка.

В небольшом кабинете царила духота. Из-за неправильно установленной решетки нельзя было распахнуть форточку полностью, а старая рама окна и вовсе не открывалась. В утреннем свете над канцелярским столом, половину которого занимал громоздкий серый ящик монитора, медленно плавали в воздухе редкие пылинки.

– Прошу. – Лейтенант занял свое место и указал Лидии на единственный оставшийся стул напротив.

Андрей Бойко растерянно огляделся, вытер ладони о мешковатые джинсы и присел на обитую черным дерматином скамейку у стены. Прямо под плакатом, призывающим голосовать за «Единую Россию», который остался от прежнего хозяина кабинета.

– Итак, Лидия Семеновна, – Дмитрий пристально всмотрелся в опухшее, разом постаревшее за ночь лицо женщины, – Ника не вернулась?

Она покачала головой.

– Вы понимаете, что, даже если я приму от вас заявление, оперативные действия начнутся только по прошествии трех суток?

– Как это? – подал голос Андрей.

– Такова процедура, – ответил участковый, коротко глянув в его сторону.

– А если с ней что-то случилось? Может быть, ей нужна помощь? – сипло проговорила Лидия. Было заметно, что каждое слово дается ей с трудом.

– А если ваша дочь загуляла? Уехала в район или вообще в город и вечером вернется обратно? – парировал Дмитрий, но, снова посмотрев в красные от слез глаза Лидии, поспешно продолжил: – Сделаем вот что. Заявление я ваше приму и к поискам подключусь, но хода ему не дам. Ведь придется открывать уголовное дело по сто пятой статье, так как Ника все еще несовершеннолетняя и ее исчезновение можно квалифицировать как убийство, если вы не знали…

Лидия вздрогнула всем телом. Под цветастым сарафаном колыхнулся большой живот.

– Я побеседую с Царевым, и вот, – он протянул Лидии визитку, – позвоните сюда. «Лиза Алерт», слышали?

Супруги переглянулись впервые за все время, что провели в участке. Нет, они ничего не знали о поисковиках.

Выходя, Лидия пошатнулась, и Андрей неловко подхватил ее под локоть. Грузная, одного роста с мужем, женщина дернулась, будто ее током шарахнуло, и резко выдернула руку.

«Ситуация», – вздохнув, подумал лейтенант.

Историю скандала в семье Бойко знали в поселке все, причем виновата в огласке была сама Лидия. Тихого и скромного главного электрика тепличного комплекса поначалу даже не осуждали. Ну загулял мужик, сбегал на сторону, эка невидаль! Так нет же! Лидия подняла такой скандал с кровопролитием, что прежний участковый, Захар Ильич, едва обеих – и жену, и соперницу – в каталажку не упрятал.

Лидия явилась в магазин и, недолго думая, вцепилась Ирине в идеальную укладку, громко сообщая посетителям о недостойном моральном облике соперницы, периодически прикладывая ту носом о прилавок. В выражениях она не стеснялась. Ирина умудрилась вывернуться из мертвой хватки, рискуя оставить в руках Лидии собственный скальп, дотянулась до китайского электрического чайника, которым и принялась молотить обидчицу по голове. К моменту появления в магазине участкового обе женщины были в крови, обе тяжело дышали и с ненавистью смотрели друг на друга из разных углов, удерживаемые неравнодушными соседями.

Подоспевший к остывшим углям виновник ссоры долго смотрел на жену, о чем-то думая, а потом обронил: «Я ухожу» – с такой небрежностью, что потряс даже любовницу. Судачили, что она вовсе не была готова к такому развитию событий, но в дом Андрея пустила, и с тех пор они жили вместе, тихо и замкнуто.

* * *

Серега хмуро оглядел убогую каморку участкового и плюхнулся на стул. Покрасневшие глаза паренька настороженно следили за участковым.

– Документы с собой? – спросил тот.

Серега кивнул и полез в задний карман джинсов.

– Давай выкладывай свою версию, – подогнал его лейтенант.

– Какую версию? Ты чего расселся? – неожиданно вспылил Серега. – Девчонка пропала, ее искать надо!

Он смотрел с яростью, готовый ринуться через стол и вцепиться Диме в горло.

– Ты побузи мне тут! – прикрикнул участковый.

– Побузи, – без тени уважения как к Дмитрию лично, так и к погонам на его плечах передразнил Серега, отец которого сидел уже седьмой год. – Я прошу, по-человечески прошу, нужно поиски организовать!

– Просит он, – покачал головой участковый, решив проигнорировать выпад подростка. – Кто тебе-то мешает? Листовки сделайте, в отряд «Лиза Алерт» обратитесь, я матери Никиной телефон дал, в соцсетях напишите… Рассказывай, когда ты в последний раз с ней разговаривал?

– Да вчера же! Около двух часов она сама позвонила. Жарища, вот мы и решили вечером на речку. Народу никого, вода теплая… Я ждал-ждал, а она не пришла. Стал звонить – телефон отключен. Пошел встречать, думал, задержалась… Вот. А ее нигде нет.

– Какой дорогой пошел?

– Какой она обычно ходит: через мост, дальше до Старого поселка, потом по Ленина до самого магазина.

– Кого-то встретил?

– Только Ваню-дурачка на мосту. Еще удивился, чего его на мост занесло, он же воды боится и высоты… Прогнал домой и дальше пошел. Под мостом ребятня плескалась. И мелкие, и постарше. А больше никто по пути не попался. Жара, чего шляться-то?

Дмитрий сделал пометки в новеньком блокноте, которым до сих пор ни разу не пользовался: «Мост; Ленина; магаз.; Ваня-дур.; дети». Чуть не сунул в зубы кончик дешевой синей ручки, вовремя опомнился и посмотрел на Царева. Взвинченный. Не сидит спокойно, ерзает на стуле. Глаза краснющие. Брови страдальчески заломлены. Руки – в кулаки. Здоровенные такие кулаки-то. И костяшки набиты.

– Где занимаешься?

– А? – не понял парень.

– Где боксируешь, спрашиваю.

– Уже нигде. В школе баловался… Так, качаюсь только немного. Мне в армию осенью.

– С Никой у тебя как, серьезно?

Сергей вскинулся, покраснел, аж уши запылали:

– Достали вы! Мы поженимся, как я вернусь! Будем в городе жить!

– Тихо! Чего орешь? Ты спал сегодня?

– Нет. И не собираюсь! Нужно Нику искать. Лейтенант, ну не сиди, ищи ее! Может, в район позвонить, пусть собак пришлют?

– Так, Царев, не умничай. Иди ищи. Без тебя разберусь, что мне делать. Узнаешь что-нибудь – сразу мне звони, понял? Номер запиши.

Дмитрий продиктовал парнишке номер своего мобильного, чего клялся никогда не делать, и выпроводил горе-жениха из участка. Вернулся к столу, открыл блокнот и записал: «Сергей Царев – мотив?» Пропажа девочки в таком месте, как Малинники, где даже по пьяни мужики скорее спать расползутся, чем драку затеют, была чем-то нереальным. Он никак не мог поверить, что с Никой что-то случилось, хотя неприятный холодок в затылке, который можно было бы назвать нехорошим предчувствием, верь лейтенант в подобную ерунду, намекал на то, что с девочкой стряслась беда.

«Подожду до завтра, – решил он, – а потом позвоню в район». Но ждать – не значило сидеть без дела, и участковый отправился в Панельки.

Глава 4

Поиски

Когда Лидия вышла из участка, ей стало совсем плохо. Она покачнулась и грузно осела прямо на ступени. Андрей, который шел позади, едва не врезался коленями в широкую спину жены. «Бывшей, – горько поправил он себя, – бывшей жены».

– Лида, ты чего?

– Ничего. Сейчас пройдет, – слабо прошептала она, пытаясь подняться.

– Посиди. Вон фельдшерка стоит. Сейчас позову.

– Не надо, – слабо отмахнулась Лидия, но Андрей не слушал.

Он быстро подошел к Валентине Царевой и кивком указал на обмякшую у перил Лидию. Валентина всплеснула руками и заторопилась к крыльцу:

– Лидочка, посмотри-ка на меня.

Лидия подняла голову. Площадь перед зданием администрации поселка плавно плыла, покачиваясь и увеличиваясь в размерах. Навес над остановкой, до которого было от силы метров двадцать, показался Лидии далеким и крохотным. Ее бросало из жара в озноб, она тяжело дышала и даже не пыталась сфокусировать взгляд на лице Валентины. Одна-единственная мысль удерживала Лидию от провала в спасительное забытье: «Ника! Я должна искать свою дочь!»

– Конечно-конечно, – быстро проговорила Валентина, как будто Лидия сообщила ей об этом вслух. А может, и сообщила? Реальность продолжала ускользать.

– Андрей Владимирович, а ну-ка, иди сюда! Помоги мне! – громко скомандовала Валентина.

От ее голоса в голове Лидии словно бомба рванула: мир заволокло красной пеленой, и она отключилась.

В себя пришла в чистеньком и уютном «лазарете» – фельдшерском пункте. Лежать было неудобно и жестко, правый бок и правая рука свешивались с края кушетки, которая не была рассчитана на пациентов такого объема. Лидия, кряхтя, повернулась, опустила на пол босые ноги и села. За приоткрытой дверью слышались негромкие голоса, но кто и о чем говорит, разобрать не получилось.

Стоптанные тенниски стояли под пустой вешалкой. Лидия с удивлением заметила, что они грязные, и не только они – ноги оказались еще грязнее… Ну конечно! Ведь она всю ночь ползала по пустырю и заброшенным участкам за пустырем в Тропинках, а потом отправилась прямо к участковому. На секунду она ощутила неловкость, но только на секунду. «Ника…» – полоснула мысль. Провалялась здесь неизвестно сколько, а дочку никто не ищет!

Лидия поднялась, подцепила ногами тенниски и вышла в коридор, на ходу разматывая узкую полоску бинта на сгибе локтя. Что именно туда вколола Валентина – неясно, но чувствовала себя Лидия на удивление бодро, даже воинственно.

* * *

Андрей разговаривал с докторшей, когда из кабинета выплыла Лидия. В первую секунду он растерялся, встретившись с женой взглядом – вместо жирной (чего уж греха таить) и сварливой бабы, в которую она превратилась, он вдруг увидел ту, прежнюю Лиду, которую когда-то любил до самозабвения.

Глаза Лидии горели неистовой силой, мгновенно преобразив и лицо, и даже оплывшую из-за диабета фигуру. Она словно выпрямилась, сбросила годы и килограммы, обернувшись собой прежней. Или – собой настоящей?

– Андрей! – окликнула она. Даже ее голос сейчас не вызывал у него тоскливого раздражения. – Зачем ты здесь? Искать нужно…

– Нужно, – послушно кивнул он. – Я с мужиками договорился, через полчаса сбор за мостом. Пацанчик Валентинин собрал одноклассников, кто еще в поселке, пошли по домам с фотографией. Наталья, секретарь главы – знаешь, наверное? Из канцелярии, молодая, – листовки печатает, – торопливо отчитался он перед Лидией.

Она кивнула, все еще не сводя с мужа глаз.

– Отлично. Сумку мою не видел? Там карточка, которую Димка дал.

– Лид, – заговорила Валентина, – позвонили уже. Тебе бы полежать еще…

Андрей скептически поджал губы. Эта Лида лежать не станет.

– С нами пойдешь или?.. – спросил он.

– С вами. Только девчат своих обзвоню.

Девчатами была ее бригада – в основном поселковые бабы, от сорока до пятидесяти. Лидка рулила ими с самого открытия теплиц. Андрей поежился – эти и до земного ядра докопаются, если в раж войдут. Главное, чтобы не переругались.

Ему все еще не верилось, что с Никой что-то стряслось. Молодая же! Мало ли какие у дочки тайны? С Лидией все по распорядку, а ей, может, свободы

захотелось?

Лида была сиротой. Родители сгинули в пожаре, а бабушка, которая ее растила, умерла. Так, во всяком случае, Андрей думал поначалу. Это потом уже выяснилось, что в пожаре она потеряла только мать, а отец нелепо погиб, когда ей было тринадцать.

Они встретились поздним февральским вечером на остановке рейсового автобуса. Стоял такой мороз, что от дыхания слипались ресницы. Из угольной черноты за пределами фонарного света медленно и плавно падали редкие сверкающие снежинки. Сопя замерзшим носом, Андрей вышел к заметенной обочине и натолкнулся взглядом на высокую девчонку. Она закрыла нос варежкой, побелевшей и покрытой инеем, и крутилась на месте, подпрыгивая, притопывая, постукивая ногой об ногу и что-то негромко напевая в эту самую варежку. Больше на остановке не было ни души.

– Автобус не приходил? – спросил Андрей. Облако белого пара сопроводило его вопрос.

– Нет, – глухо отозвалась варежка, и над ней хлопнули пушистые белые ресницы.

Собравшись с духом, он рискнул поддернуть рукав и глянуть на часы. Судя по времени, последнему автобусу пора было бы приехать, но обледеневшая дорога оставалась пустынной. Автобус так и не пришел, и они отправились до поселка пешком, за разговором не замечая ни холода, ни времени.

* * *

Лидия не почувствовала никакого облегчения от того, что сообщил ей Андрей. Хотелось бежать, действовать, а не стоять, глядя в спокойное – ничто его не прошибает – лицо мужа. Впрочем, какой он теперь муж? Она отмахнулась от горькой мысли. О нем ли сейчас думать?

Пока шла к дому, проклиная ненавистное расплывшееся тело и гудящие ноги, позвонила Машке, самой бойкой из девчат. Конечно, они придут…

Во дворе собрались соседи, кто был не на работе. «Суббота же!» – вспомнила Лидия. Заметив ее, загудели, как растревоженный улей. В груди у нее потеплело – мало ли какие стычки у них бывали, беда всех собрала… Даже Анна Жлобина выползла из своих хором. Даже Витюня, сынок ее непутевый, своим мотоциклом в сторонке порыкивал.

– Народ! Наро-од! – зычно гаркнул сосед Рома, школьный физрук. – Тихо, все!

Народ притих.

– Лидия Семеновна, – обратился Рома к ней, тряхнув смоляными кудрями, – мы тут пообщались… Никто вчера после обеда Нику не видел. Похоже, она из Старого поселка не приходила, там искать нужно. Станислав Сергеевич в район поехал, в автопарк. Хочет поговорить со вчерашним водителем: может, Ника в автобус садилась?

Лидия удивленно посмотрела на кивнувшую ей Жлобину. Вон как? Жлобин старую обиду забыл? Что сынка его в полицию сдала? Что же, Бог все видит, и доброе, и злое…

– Спасибо, люди дорогие… – Лидия прикрыла глаза. Слова показались ей дешевыми, ненастоящими. Как можно высказать благодарность? Вот только Ника пока не нашлась… Она вздохнула и обратилась к соседям: – Я иду с мужиками за мост, кто хочет – присоединяйтесь. Переоденусь только. Там Андрей верховодит, позвоните ему, у кого вопросы будут. А у меня просьба: присмотрите тут, кто останется. Может, Ника домой вернется, пока мы ищем.

– Я останусь, – тихо отозвалась Галина, Вани-дурачка мать.

– Спасибо, Галя, – выдохнула Лидия.

«И правда, – подумала она, – куда ей уходить-то? Ваня следом увяжется, да и сам пропадет. Ищи и его потом». Белобрысого Вани нигде не было видно.

* * *

Участковый изо всех сил старался удержать невозмутимый вид, стоя перед широким, словно постамент для памятника, полированным столом поселкового главы.

– Ты, Михайлов, губы тут не дуй! Я должен первым узнавать о таких вещах, и от тебя, а не от жены! – ярился полный, круглотелый Иван Ильич Рецкий.

Он краснел лицом и выплевывал слова по одному, словно водой каждое запивал.

– Так точно, – бубнил Дима и кивал, старательно изображая китайского болванчика.

Все, как учил умудренный жизнью Захар Ильич, когда дела передавал. «Начальство, – наставлял он, – не бывает плохим или хорошим. Это – как болезнь заразная. Кто подцепил должность, будто другим становится. Ты с ними соглашайся, лейтенант. Спорить – бесполезно. Делай, как совесть подскажет, а на словах всегда соглашайся. Целее будешь, уж поверь мне. Я этих начальников на своем веку мно-ого перевидал».

Не согласиться сейчас было бы и вовсе глупо. Это был его, Димин, косяк. Не учел, что в Малинниках ни одно событие дольше пяти минут незамеченным не остается, вот и прокололся.

– Иван Ильич, – не выдержал он наконец, – я пойду? Девочку же искать нужно. Может, и не придется шум на весь район поднимать, сами управимся.

– Да-да, – кивнул глава, круглая голова мелко качнулась на короткой винни-пуховской шее. – Иди, Михайлов. Шум нам совсем не нужен. Какая помощь понадобится – звони.

В приемной лейтенант заговорщицки подмигнул секретарше Наташе, хорошенькой и неглупой девушке лет на пять его помладше. Она улыбнулась и молча показала ему верхний лист из целой стопки – яркое и тревожное объявление о пропаже Ники, с цветной фотографией. Дима кивнул, покосился на дверь начальственного кабинета и приложил палец к губам. Он сильно сомневался, что, предлагая любую помощь, Иван Ильич имел в виду сотню копий на своем цветном принтере. Похоже, знала о жадности своего шефа и Наташа. Она снова улыбнулась краешком полных губ и прикрыла стопку объявлений

глянцевым журналом.

* * *

На съезде с моста столпилось человек тридцать. Участковый притормозил. Оттянул правой рукой ремень безопасности, высунулся из открытого окна и левой бухнул магнитную колобашку мигалки на крышу своей «четырнадцатой», а потом включил сирену. Народ испуганно прыснул по сторонам. Чистая показуха, конечно, но авторитета прежнего участкового у Димы пока не было.

Посеревшая лицом, но какая-то очень решительная, к машине подошла Лидия Бойко.

– Андрей мужиков организовал, пойдут по заброшенным участкам. Там ведь и подвалы старые, и пепелища с бревнами обгорелыми под зарослями – мало ли? – сообщила она.

– А женщины?

Человек восемь женщин, одетых, будто собрались по грибы, выстроились в кильватере своей предводительницы.

– Мы – на пустырь и в Тропинки, Никины одноклассники пошли вдоль реки до излучины. А завтра приедут волонтеры из отряда «Лиза Алерт», они будут искать в лесу…

Лейтенант подивился произошедшей с женщиной перемене. Утром она была раздавлена случившимся, а сейчас походила скорее на командира воинского подразделения – собранная, уверенная, спокойная. Разве что самую малость слишком. Слишком спокойная.

– Отлично, – ответил он и медленно проехал между занявшими обочины людьми, удивляясь, что их собралось так много. И так быстро. Время близилось к полудню.

* * *

Серегин телефон поминутно тренькал сигналами входящих сообщений. К августу из шестнадцати выпускников в поселке осталось только шестеро, не считая Ники: Денис Хлопотов, который, как и Серега, собирался осенью в армию; Дамицкий Игореха, который жил в Старом поселке и вот-вот должен был уехать в город; Никина подружка Лариса и еще две девчонки: Усовкина, чья мать работала главбухом в теплицах, да Шомова Светка – оторва, каких мало. И теперь все они, встревоженные, заваливали общую беседу класса в «Ватсапе» предположениями о том, куда могла подеваться Ника. Подключился даже Смирнов, живущий в Березняках, обещал поспрашивать среди своих, местных, а вдруг ее могло туда каким-нибудь ветром занести? Но Серега Царев знал, что ни в какие Березняки Ника не уехала. Она вообще никуда не могла уехать из поселка…

До вчерашнего дня он считал, что дебильное выражение «сердце подсказывает» не может иметь ничего общего с действительностью. Глупые придумки писателей, красивые слова. Однако сейчас он ощущал за грудиной тянущую ледяную пустоту. Всякий раз, когда мысли возвращались к Нике, эта пустота начинала раскрываться все шире, грозя поглотить его целиком. И там, в этой пустоте, пряталось ужасное убеждение, что Нику они не найдут, как ни старайся. Серега злился на себя. Ярость ненадолго спасала от чудовищного предчувствия, но оно никуда не исчезало и накатывало снова и снова, путая мысли, мешая думать и действовать.

– Сереженька, – позвала из кухни мама, – иди поешь хоть немного.

Есть не хотелось. Кусок просто не лез ему в горло. Любое прикосновение к вещам простым и обыденным вызывало в душе горькую волну возмущения: как они могут жить, словно ничего особенного не произошло? Есть, пить, спать, ходить на работу и смотреть телевизор, если Ника до сих пор не нашлась? А может быть, именно сейчас она голодна? Может быть, отчаянно нуждается в помощи?

– Я не буду, – пробурчал Серега, – бежать нужно. Мы с ребятами договорились пойти к старой ферме. Искать.

Мама нахмурилась:

– Разве вчера там уже не искали мужчины из Панелек?

– Искали. И что? Как будто за один вечер можно там все обойти? – вскинулся Серега.

Она покачала головой. Вздохнула.

– Сынок, я понимаю. Просто беспокоюсь за тебя. Там полно опасных мест – что не сгорело, то сгнило за годы и может развалиться в любой момент…

– Тем более! – горячился Серега. – А если Ника там? Застряла или, ну не знаю, ногу сломала? Я пошел, короче, ма. Позвоню, когда буду возвращаться.

– Хорошо, – обреченно согласилась мать.

* * *

Валентина тайком перекрестила широкую спину сына, перед тем как за ним захлопнулась дверь. О том, что Сережа с шестого класса был тайно влюблен в Нику Бойко, она знала. Знала и о том, что в десятом Ника ответила сыну взаимностью. Хорошая девочка, правильная, спокойная. Радоваться бы, да болело материнское сердце. Валентина боялась, что школьная любовь, как и ранний брак – она знала и то, что ребята собирались пожениться через год, – не принесут ее сыну счастья, но оказалось, что Сережку подстерегала совсем другая беда. Потеря любимого человека…

Валентина снова вздохнула. О потерях она знала многое. Ее бывший муж, Сережин отец, сидел за убийство человека, которого она любила всей душой…

Никто в Малинниках не мог понять, с чего вдруг непьющий и добродушный Женя Царев взял да и пристрелил из охотничьего карабина какого-то районного предпринимателя. Спас Женька репутацию своей жены. Ни словом не обмолвился о причинах своего поступка ни на допросах, ни позже – во время суда. Только Валентина догадывалась – не в ее репутации было дело. Женя защищал Сережку, ведь одиннадцатилетний мальчик оставался расти с ней, с матерью. С неверной женой…

* * *

В суматошных поисках, наспех организованных соседями и друзьями семьи Бойко, до бойни никто так и не добрался, и Серега с одноклассниками решили начать именно с нее. В поселке старая бойня пользовалась дурной славой. Поговаривали, что в ней живет призрак зоотехника Кузьмичева, которого можно увидеть в лунные ночи стоящим на краю обращенной в сторону телятника стены, откуда он замогильным голосом зовет свою погибшую в огне жену.

Старой дороги, ведущей от коровников на самый край поля, к бойне, практически не осталось. Среди высокой, жухнущей под палящим солнцем травы попадались лишь небольшие асфальтовые проплешины, но и они были покрыты глубокими трещинами и взорваны корнями вездесущего кустарника.

Негромко переговариваясь, ребята миновали останки основных строений бывшей фермы – коровников, телятника и огромного сенного сарая, чей остов больше всего напоминал скелет чудовищного динозавра, выпирающий из зеленого моря деревьев. Скрюченного, больного динозавра, погибшего в адском метеоритном огне.

В байку о призраке Серега, конечно, не верил, но чем ближе они подходили к бойне, тем больше ему становилось не по себе. Вокруг стоял непрерывный звон насекомых. Он вовсе не действовал успокаивающе, наоборот, бил по напряженным нервам резкими переливами.

– Какого черта мы сюда поперлись? – проворчал Денис, озираясь. Похоже, что ему здесь тоже не слишком нравилось.

– Ника! – неожиданно заорала Шомова, и все дружно вздрогнули.

– Чего орешь, дура? – грубо оборвал ее Игореха, ткнув в спину. – Так и разрыв сердца получить можно!

Серега с досадой пнул подвернувшийся под ноги кусок асфальта размером с яблоко. «Глупая затея, – подумал он. – Пройти сюда в сумерках мог только тот, кто эту дорогу наизусть знает, но чтобы сама Ника отправилась сюда на ночь глядя? Бред».

Кирпичный остов бойни, сложенной еще до войны, проглядывал над буйными зарослями. Проклятая малина оплела все подходы к нему и грозила в кровь разодрать каждого, кому придет в голову сунуться в ее густой полумрак. На крайних кустах светились на солнце спелые ягоды, огромные и яркие. Шомова не удержалась и сунула парочку в рот, жмурясь от удовольствия.

– Светка, ты жрать, что ли, сюда пришла? – недовольно буркнул Денис.

Серега потоптался на месте, выискивая проход в сплошной малинниковой стене, и вдруг обнаружил свежий лаз. Ребята столпились перед брешью в кустарнике и переглянулись. Кому могло понадобиться собирать ягоду здесь, если малиной зарос весь здоровенный пустырь в Тропинках, да и по краю леса у Старого поселка ее было полно?

Впереди, за кустами, что-то негромко брякнуло, и над прокопченным углом уцелевшей стены с шумом взметнулась в небо большая птица.

Не сговариваясь, ребята ломанулись в оставленный кем-то проход. Серега лез первым, не обращая внимания на колючие ветки, цепляющиеся за футболку и царапающие руки, на то, что с верхушек кустов дождем сыплются за шиворот спелые ягоды.

Протоптанный в кустах лаз сворачивал у глухой стены и вел в обход до большого пролома, из которого до сих пор торчал почерневший и искореженный пламенем рельс коньковой балки, проломивший стену почти до основания, когда рухнула крыша.

В развалинах снова брякнуло, а потом из-за горы щебня, заросшей сухим мхом и чахлой травой, раздался низкий утробный рык.

У Сереги волосы встали дыбом, он вздрогнул всем телом и словно прилип к месту, не в силах пошевелиться. За спиной с треском врубались обратно в заросли малины одноклассники, стремясь поскорее убраться прочь.

– Кто здесь? – просипел Серега, двумя руками вцепившись в острые грани обломанных кирпичей на краю пролома. – Ника? Отзовись!

Над кучей поднялась большая лохматая собачья голова. Пасть была оскалена, а темные глаза недоверчиво сверкали на Серегу из густой грязно-серой шерсти.

– Вот блин! – он едва не осел на разом подогнувшихся ногах. – Кыш!

Но собака уходить не собиралась, только зарычала низко, угрожающе. Где-то за кучей запищало.

– Эй! – попятившись от пролома и оглядываясь на малинник, крикнул вслед ребятам Серега. – Эй, это просто собака! Тут щенки у нее!

Обратно к ферме, которую накануне вдоль и поперек обшарили поселковые мужики, возвращались ни с чем, а на следующее утро в Малинниках появились первые машины поисковиков «Лизы Алерт».

* * *

Андрей Бойко взял на работе неделю отпуска за свой счет и встречал приезжих сразу за мостом. Когда показался первый джип в приметных наклейках, он замахал руками и попятился к пыльной обочине, показывая, куда съехать.

С пассажирского сиденья выбрался длинноволосый парень в красной бандане и, щурясь на солнце, протянул Андрею руку.

– Я Михаил, старший группы. А вы Андрей, отец Ники?

– Да, – кивнул тот.

– Отлично. Сегодня будет пять машин, человек двенадцать – пятнадцать. Шестеро могут остаться с ночевкой до среды, если мы не найдем девочку раньше. По возможности будут подтягиваться другие волонтеры. На сегодня нужно место, где поставить палатки, и еще необходимо помещение, где можно расположить координационный центр, – без долгих рассусоливаний приступил к делу парень.

Андрей, немного обалдевший от такого напора, только кивал, пытаясь сообразить, где ему разместить такую прорву людей. В конце концов местом для ночевки выбрали пустырь в Тропинках, недалеко от «цыганского дома». Координационный центр, недолго думая, Андрей предложил разместить в доме Ирины.

Немногословный мужчина средних лет в серых шортах и хлопчатобумажном жилете с огромным количеством карманов, так плотно набитых, что издалека жилет походил на спасательный, подогнал свой внедорожник к дому и принялся выгружать из багажника ящики, кейсы и коробки.

– Куда нести? – только и спросил он ошарашенного Андрея.

* * *

Ирина задержалась после работы, и новость о том, что в поселок приехали поисковики из района и даже из города, узнала только подходя к собственному дому. Возле открытой настежь калитки приткнулся к забору пыльный джип. Чуть дальше, там, где щебенка заканчивалась и грунтовка состояла уже только из пыльного суглинка, притулилась под старой яблоней серебристая легковушка. Со двора доносился громкий лай.

Изумленно моргнув, Ирина машинально заглянула через забор. На один безумный миг ей показалось, что она ошиблась домом, но, разумеется, это было не так. Она вошла во двор и закрыла за собой калитку.

На дорожке, выложенной старым кирпичом из развалин, суетились и тявкали две некрупные собаки с яркими платками на шеях. Их держали на поводках смурной парнишка лет двадцати и женщина постарше, одетая в кислотно-оранжевый жилет поверх футболки с длинными рукавами.

– Вы кто такие? – бросилась к ним Ирина.

Собаки замолчали и дружно повернулись в ее сторону, но не зарычали. Только уставились, задрав морды, с серьезным, почти человеческим интересом.

– Волонтеры отряда «Лиза Алерт», – за двоих ответила женщина. – Меня зовут Екатерина, а это Денис.

Дверь в дом тоже была распахнута, изнутри слышались голоса и неприятный писк. Медленно-медленно до Ирины начало доходить. С каменным лицом она обошла собачников и поднялась на крыльцо.

– …Третья группа выдвинется минут через восемь, ждем последнюю собаку. Да, квадрат тот же, – прерывая писк рации, вещал мужчина, сидевший спиной ко входу.

Стол был заставлен какой-то аппаратурой и раскрытыми ноутбуками. По полу к розеткам тянулись провода. Андрей, ссутулившись и засунув руки в карманы, напряженно нависал над незнакомцем, глядя на один из экранов.

– Что здесь происходит? – громко спросила Ирина, даже не пытаясь подавить возмущение.

Ее колотила мелкая дрожь.

– Ирочка! – обернулся Андрей. – Это ребята из поискового отряда. Мы решили расположить координационный штаб здесь, у нас…

– Да? – Если бы вопрос не выбросил из нее часть скопившегося за несколько минут яда, Ирина запросто захлебнулась бы им.

– Да… – уже не так уверенно ответил Андрей и добавил: – Давай выйдем. Не будем мешать…

Он буквально вытолкнул ее к двери на кухню и плотно закрыл ее за собой. И тут Ирина сорвалась:

– Не будем мешать? Я кому-то мешаю в собственном доме? Ты рехнулся, Бойко? Меня не забыл спросить, когда «принимал решение»?

– Ира, все так спонтанно… Так быстро случилось. И каждая минута дорога. Ника…

– О господи! Ника-Ника-Ника… Я устала слышать это имя! Я устала вообще! Мне вчерашней ночи хватило! Пришла домой, чтобы немного отдохнуть, а тут куча чужих людей и собак! Что за цирк ты устроил?

Секунду Андрей смотрел на нее в упор, лицо его дергалось, как будто не знало, на каком выражении остановиться, и наконец застыло. Он больше не выглядел провинившимся, растерянным ребенком. Моргнул и залепил ей пощечину.

Ирина отшатнулась, глухо стукнулась затылком о стену. Еще полгода назад она радовалась – непьющий, работящий, добрый и немногословный Андрей казался ей подарком судьбы, но теперь… С удивительно отстраненным спокойствием она осознала, что совсем его не знает. И, кажется, больше не хочет знать.

– Я пошла наверх, – выдавила она сквозь зубы. Щека горела огнем. – Чтобы через час здесь не было посторонних, понял?

– Понял, – выдохнул Андрей.

Он был потрясен этой оплеухой не меньше Ирины, судя по тому, как тряслись руки, но она настолько устала и была так зла, что только повернулась к нему спиной и стала медленно подниматься в мансарду.

Через час дом опустел. Андрей вернулся только к ночи и молча завалился спать на узкий диванчик. Она его ни о чем не спросила, а он не стал ничего рассказывать.

* * *

Почти неделю волонтеры прочесывали Старый поселок и лес, с собаками и без. Они зигзагами двигались по густому подлеску, время от времени дружно замирая и выкрикивая Никино имя. Самые крепкие полезли даже к старым вывалам. Их устроили, когда тушили пожар, чтобы отрезать путь огню дальше в чащу, но там был непроходимый бурелом, и большого смысла искать легко одетую девушку среди вывороченных с корнями деревьев не было.

Обыскали они и останки фермерских строений, даже в заиленном пруду на месте силосной ямы баграми шуровали, и квадрокоптер над полями запускали – никаких следов Ники так и не нашли. В первые дни волонтеров были десятки, потом – меньше. Под конец осталось всего несколько самых упорных, они продолжали обследовать лес и поля за бывшей фермой…

Глава 5

И дело, и тело

Когда последняя машина поисковиков скрылась в зелени Старого поселка за рекой, Антон Кирьянович Копылов вздохнул с облегчением. Он пнул пустую жестянку из-под пива, и та покатилась под уклон по бурому от жары ежику скошенной травы в сторону дороги, моста, ленивой Камышовки. Банка выскользнула из тени, которую давал дом, блеснула на прощание алюминиевым боком и пропала в придорожной канаве.

«Какие тебе грибы? – обреченно сетовала жена. – Как не было совести, так и нет. У людей такое горе…» Но дед Антон (так звали его все – от надоедливой ребятни до соседей) жену не слушал, в поисках не участвовал, а только ждал, когда неугомонные чужаки уберутся из леса. Только там, наедине с молчаливыми деревьями и самим собой, он чувствовал себя спокойно. Прошло больше двадцати лет, как он вернулся из тюрьмы, и скоро сорок – с той роковой ночи, когда он совершил самый страшный свой выбор, но жизнь так и не наладилась. И теперь уже никогда не наладится. Что там осталось-то? Ему пошел восьмой десяток, Марине – скоро семьдесят, дети и внуки давно разъехались и носа не кажут. Одна у него забава и есть – грибы да ягоды. Лес. Родной и предательский, спаливший всю его жизнь подчистую.

* * *

В день оглашения приговора Копылов был мрачен и собран. За то время, пока тянулось следствие и шел процесс, он израсходовал весь запас эмоций и теперь смотрел на вещи трезво. Глупо было бы надеяться, что его оправдают – лучшего козла отпущения и нарочно не сыскать. «Ну не председателя совхоза же

сажать? – думал он. – Не районное начальство, которое год за годом оставалось глухим к нуждам фермы? Трагедия случилась. Погибли люди. Материальный ущерб оценивают по сей день. Кто-то должен понести наказание? Должен. Людям нужен виновник, и они его нашли. Нашли, на кого выплеснуть свою боль, свое негодование, свою ненависть. Нашли, на кого повесить просчеты и ошибки». Грустно усмехнувшись, поправил пиджак – синий, любимый. Интересно, его так и отправят по этапу в дорогом костюме?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Машинно-тракторная станция.

Купить: https://tellnovel.com/ru/il-ina_natal-ya/flamandskaya-petlya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить